

РИТУАЛ ИСХОДА

18+

Алина Бигулаева

Ритуал исхода

«Автор»

2026

Бигулаева А.

Ритуал исхода / А. Бигулаева — «Автор», 2026

Каждое столетие древний маг Баче — последний из скрывающейся расы Энтуи — обязан проводить страшный ритуал. Провести с невинной девушкой страстную ночь, а на рассвете пролить ее кровь ударом клинка в сердце, чтобы испытать эту смесь и продлить свой век. Тысячу лет он жил как циник и прожигатель жизни, не зная жалости. Пока в лесах Финдиса не встретил Анис. Она — простая помощница травницы, запечатавшая свой разрушительный дар после трагедии детства. Баче видит в ней идеальный ключ к астральному Хранилищу магов и стопроцентный источник могущества. Он заманивает ее в ловушку, став наставником. Между ними вспыхивает обжигающее, невыносимое вожделение, и брачная ночь уже близка. Но что произойдет, когда древний хищник впервые столкнется с силой безусловной любви, а в узорах эфира вскроется страшная тайна их кровного прошлого? Мрачный и чувственный роман на стыке мистического реализма и тёмного фэнтези.

© Бигулаева А., 2026

© Автор, 2026

Алина Бигулаева

Ритуал исхода

«РИТУАЛ ИСХОДА»

Алина Бигулаева

СТРУКТУРА КНИГИ

Пролог. Лучи и сталь

Часть I. Граф из дикого леса

Часть II. Искусство тишины

Часть III. Ритуал исхода

Пролог. Лучи и сталь.

Темнота в спальне восточной башни замка была густой, как нецеженное вино. Воздух казался тяжелым, пропитанным ароматом горьких трав, воска и животного, мучительного тепла, которое всегда предшествует рассвету.

Баче лежал на шелковых простынях, позволяя тонким, бледным пальцам девушки блуждать по своей груди. Ее звали Элоиза. Дочь столичного герцога, чистокровная аристократка с кожей цвета парного молока, которая еще три луны назад должна была стоять у алтаря со своим венценосным женихом. Но стоило Баче один раз столкнуться с ней взглядом на королевском приеме, один раз коснуться губами тыльной стороны ее запястья — и гордая девственница сбежала из-под венца. Она мчалась за ним сквозь грозу, бросив золото, титулы и семью, ведомая лишь слепой, удушающей похотью, которую он искусно разжег в ее жилах.

Сейчас она прерывисто дышала, прижимаясь к нему всем телом, не подозревая, что эта ночь — ее последняя.

Баче лениво перебирал кольца ее темных волос, глядя в высокое готическое окно. За стеклом небо уже начинало едва заметно сереть, окрашиваясь в холодный, стальной оттенок. Время близилось. Его личное столетнее время, которое подходило к концу. Сердце в его груди стучало медленнее, чем обычно — знак того, что многовековая жизненная сила Энтуи истощалась, требуя новой платы.

— Ты молчишь, граф, — прошептала Элоиза, приподнимаясь на локтях. Ее глаза блестели от слез и недавней страсти. — Смотришь на небо так, словно рассвет заберет тебя у меня.

— Рассвет никогда ничего у меня не забирает, дорогая, — тихий голос Баче прозвучал бархатисто, но в нем не было ни капли человеческого тепла. Обычная маска, которую он носил слишком долго, чтобы она приросла к лицу. — Он лишь отдает мне то, что принадлежит по праву.

Он потянул ее на себя, увлекая в последний, самый долгий и жадный поцелуй. Рука Баче медленно скользнула по ее бедру, поднимаясь выше, к ребрам, лаская нежную кожу с той подробной, мучительной детализацией, от которой у Элоизы перехватило дыхание. Она выгнулась навстречу его телу, утопая в судорожном восторге, полностью растворяясь в его силе. В этот момент для нее не существовало ничего, кроме жара его кожи и тяжелого мужского аромата, туманящего разум.

Баче чувствовал, как внутри нее бушует слепая, чистая жизненная энергия — у Элоизы не было магии, но ее молодость и невинность были безупречны. Этого хватит, чтобы продлить его век. Хватит, чтобы его лицо оставалось юным, а тело — сильным.

В ту секунду, когда край неба за лесом окрасился первой, тонкой полосой багрового золота, Баче резко перехватил ее запястья, прижимая к подушкам. Элоиза тихо охнула, приняв это за новую вспышку его дикой страсти. Она улыбнулась, открывая шею навстречу его губам.

Свободной рукой Баче потянулся к изголовью кровати, где среди складок тяжелого бархата покоился узкий, как игла, ритуальный клинок. Сталь не издала ни звука.

— Смотри на меня, — приказал он шепотом, который заставил ее эфирное тело содрогнуться.

Она послушно распахнула глаза. Острие клинка коснулось груди, прямо там, где под ребрами испуганной птицей билось девичье сердце. Один точный, выверенный веками толчок — и сталь ушла вглубь.

Глаза Элоизы расширились от шока и непонимания. Боль еще не успела отразиться на ее лице, когда Баче, не теряя ни мгновения, полоснул клинком по собственной левой ладони. Из глубокого пореза хлынула густая, темная кровь Энтуи. Он прижал раненую руку к ее груди, позволяя их крови смешаться в единый, дымящийся поток, и заговорил. Слова древнего заклятия срывались с его губ тяжелыми, вибрирующими каплями, заставляя воздух в комнате густеть и искриться.

Он пил эту смесь, чувствуя, как с каждым глотком его собственные вены наполняются обжигающим, нечеловеческим жаром. Сила Элоизы, ее не прожитые годы, ее соки перетекали в него, распрямляя струны его уставшей души.

Через минуту всё было кончено. Элоиза обмякла на простынях, ее взгляд остекленел, уставившись в потолок башни. Она осталась в этом рассвете навстречу своему небытию.

Баче поднялся с постели, совершенно нагой, чувствуя, как по телу разливается сытая, хищная легкость еще на одну сотню лет. Ладонь мгновенно затянута, оставив на коже лишь свежий, тонкий белый шрам — еще одну отметину на внутренней стороне руки. Он не испытывал жалости. Только легкую скуку и пресыщенность. Воспоминания нахлынули на него, возвращая в прошлое столетие, когда на этом же месте лежала совсем другая жертва — дикая, рыжеволосая ведьма с кожей белой, как первый снег. Та отчаянно проклинала его, ее магия искрила на пальцах, пытаясь сжечь замок, но Баче забрал ее искру до последнего дрожащего вдоха, став вдвое сильнее.

Он повернулся к окну. Солнце взошло полностью, заливая спальню ярким, безжалостным светом.

— Ну вот и всё, — негромко произнес Баче, глядя на свои идеальные, молодые руки. — Еще один век в этом никчемном мире. Пора сменить декорации.

ЧАСТЬ I. ГРАФ ИЗ ДИКОГО ЛЕСА

Глава 1

Замок, спрятанный в самом сердце первозданного, черного леса, со стороны казался лишь грудой мертвых, замшелых камней. Обычные люди, случайно забредавшие в эти дикие, Богом забытые края, видели перед собой лишь унылые руины, намертво оплетенные колючим кустарником и вековыми корнями, которые, словно живые черные змеи, переплетались поперек заросших, едва заметных троп. Древние чары иллюзии, наложенные на вековые дубы, надежно охраняли покой своего хозяина от любого смертного взгляда. Люди обходили этот холм за милую, испуганно шепчась о проклятых душах и дурных знамениях.

Но за этой плотной пеленой тяжелого морока замок дышал роскошью и мрачной, торжественной готической красотой.

В каминном зале, где в огромном каменном очаге с глухим треском прогорали тяжелые дубовые поленья, бросая багровые отсветы на стены, у самого окна стоял мужчина. На вид ему нельзя было дать больше двадцати семи лет: безупречные, словно высеченные из бледного

мрамора черты лица, четкие скулы, густые каштановые волосы, небрежно спадающие на высокий лоб, и широкие плечи, скрытые под дорогим камзолом из изумрудного бархата. Но его глаза — глубокие, магнетически-зеленые, словно ночные лесные омуты, — выдавали пугающую истину. Баче жил на этом свете уже сотни тысяч лет.

Он был Энтуи. Одним из последних великих магов древней крови, способных повелевать самой сутью эфира и черпать вечную молодость из страшного, но прекрасного в своей жестокости ритуала.

Каждое столетие его внутренние часы неумолимо отсчитывали последние дни, приближая роковое зарево увядания. Чтобы продлить этот безупречный юный облик, эту силу и саму жизнь, ему до захода луны нужна была чистая, невинная душа. Девушка-девственница. Ритуал Энтуи требовал провести с ней страстную брачную ночь, а на утро, с первыми лучами солнца — безжалостно оборвать её жизнь ударом клинка в самое сердце. И лишь когда кровь из ее раны омоет сталь, Баче должен был выпустить свою собственную кровь из надрезанной ладони, смешать их в единый дымящийся поток на ее груди и испить эту смесь, зачитывая тайный древний заговор.

Баче не считал себя монстром. Он был искушенным дамским угодником, циником и прожигателем жизни, который слишком долго смотрел на увядание смертных, чтобы сочувствовать им. За долгие века он сменил десятки стран и сотни женских постелей, с легким сердцем тратя свои бесконечные, накопленные эпохами богатства. Когда ему становилось скучно, он просто менял имена, собирал сундуки и переезжал. В его памяти калейдоскопом, без капли жалости, сменялись лица юных травниц, доверчивых деревенских красавиц и даже ведьмочек, обладавших крупными дарами. Все они гибли в его руках на исходе очередного века. Баче забирал их жизни и половину их магии, если они владели силой, а затем снова пускался во все тяжкие, презирая ведомую, глупую людскую расу.

— Хозяин... О, мой вечно молодой и невыносимо прекрасный хозяин! — раздался за его спиной скрипучий, ворчливый голос, нарушивший тишину каминного зала.

Из темного, неосвещенного угла комнаты, громко хлопнув кожистыми крыльями, вылетела крупная черная летучая мышь. На лету она неуклюже перевернулась в воздухе, зацепила тяжелую портьеру и с глухим стуком шмякнулась на ковер, прямо у ног мага. В ту же секунду ее силуэт размылся, превратившись в низенького, пузатого мужичка со смешным, но злобным лицом в потертом коричневом жилете. Это был Менди — верный и бессменный слуга Баче.

Следом за ним из колеблющихся теней, шурша, выпорхнули Слуга — домашние духи сумерек. Они были похожи на маленьких фей, но их серые, тусклые, словно изъеденные молью крылья ночных мотыльков идеально гармонировали с общим мрачным настроением замка. Слуга закружились вокруг Баче, испуганно и хитро перешептываясь, дергая его за тонкие кружевные манжеты рубахи.

— Столетие на исходе, Баче! Время поджигает, песок в часах сыплется, а вы все созерцаете этот проклятый туман! — Менди раздраженно заворчал, отряхивая свой поношенный сюртук от невидимой пыли. — Если вы не найдете девственницу в ближайшие луны, мы все превратимся в прах! Наши жизни намертво привязаны к вашему ритуалу, не забывайте об этом! Мои крылья уже сохнут от недостатка энергии!

— Они сетуют, сетуют... — тонко пропищали Слуга, испуганно прижимая к телу серые крылышки. — Время идет, кровь стынет, хозяин медлит! Мы исчезнем, растворимся в темноте, если солнце взойдет над вашей старостью!

Баче лениво повернулся от окна. Его зеленые глаза опасно сузились, и в ладони с тихим зловещим треском вспыхнул фиолетовый огонек чистой магии, заставив слуг мгновенно притихнуть и испуганно отпрянуть назад, в тени комнат. На его порочных губах заиграла хищная, абсолютно уверенная в себе ухмылка.

— Тихо вы, трусливые создания, — бархатным, глубоким голосом произнес Баче, гася пламя в руке легким движением пальцев. — Я никогда в жизни не опаздывал, не опоздаю и теперь. В этот раз я отправляюсь в Финдис. Я давно не посещал этот край. Говорят, этот город разросся, оброс деньгами, и люди научились прожигать свои короткие дни со вкусом. Пабы, богатые игорные дома, бордели, где можно купить любое удовольствие... Там я без труда найду то, что мне нужно. Но в Финдисе меня ждет кое-что еще.

Баче неторопливо подошел к массивному дубовому столу, на котором среди алхимических склянок лежал древний, тяжелый гримуар в потрепанном кожаном переплете. Баче открыл его на середине. На пожелтевшем пергаменте виднелся рваный след — в заговоре Энтуи не хватало ключевой, самой важной страницы.

Сейчас ритуал позволял ему забирать лишь половину магии жертвы, если у той были врожденные способности. Но Баче жаждал абсолютного, безграничного могущества. Из невидимых токов пространства он точно знал: в высших, сокрытых от обычного человеческого глаза слоях эфира парит тайное и строго охраняемое Хранилище магов древности — безмолвная Зеркальная Книга, где записан каждый сделанный шаг и каждое забытое слово этого мира. И нужный ему кусок заклинания спрятан именно там, запечатанный астральными стражами. Кусок, способный подарить ему сто процентов чужой силы. Если он найдет девушку со способностями и соединит ее кровь с полным заговором — он станет непобедим.

— Собирайте вещи, бездельники, — скомандовал Баче, одним плавным движением набрасывая на плечи тяжелый дорожный плащ из темного сукна. — Мы едем в Финдис. Пора немного развлечься.

Спустя неделю пути сквозь бесконечные вересковые пустоши, обитая черным бархатом карета Баче наконец миновала массивные кованые ворота Финдиса. Город встретил их оглушительным, хриплым шумом, запахом речного дегтя и пережаренного солода.

Баче не собирался ютиться в грязных постоялых дворах для купцов. Пользуясь своим безграничным золотым запасом и безупречными манерами, он за считанные часы выкупил право владения роскошным четырехэтажным особняком из серого тесаного камня, стоявшем на самом отшибе города, у кромки дикого леса. Дом принадлежал какому-то обедневшему барону и поражал своей мрачной, уединенной статью. Здесь было достаточно места, чтобы практиковать магию и сонастраиваться с тонкими энергиями эфира, не привлекая внимания суеверных горожан.

Едва тяжелые дорожные сундуки были занесены внутрь, Менди с ворчанием затворил дубовую дверь, отсекая шум улицы.

— Ну и трупцыбы, хозяин! — Менди запрыгнул на резной стул, его маленькие злобные глазки придирчиво осматривали покрытые паутиной углы. — Человеческая пыль везде! Слуа, бездельники, за дело!

Из складок дорожного плаща Баче посыпались серые фейри. Они тут же принялись суесться, пища на своем свистящем наречии. Они не просто вытирали грязь — Слуа плели защитную сеть. Под их крошечными пальцами воздух в комнатах натягивался, а окна покрывались едва заметной серебристой дымкой — легким мороком, который заставит любого случайного прохожего отвести взгляд от особняка и пройти мимо.

Баче прошел в просторную гостиную верхнего этажа и подошел к окну, выходящему на бескрайнее море лесных крон. На его порочных губах играла ленивая ухмылка. Он вынул из кармана обрывок древнего гримуара и посмотрел на рваный край. Где-то там, в недостижимых слоях эфира, парило охраняемое Хранилище магов. Баче чувствовал его ментальный след. Он знал, что нужная ему страница находится именно там. Но его собственное эго и тяжелая, темная энергия веков мешали ему сонастроиться с этим чистым и тонким пространством, про-

биться сквозь астральную стражу. Осталось лишь найти ключ, чистую душу, способную пройти туда.

— Наведите здесь порядок, — небрежно бросил Баче, расстегивая верхние пуговицы шелковой рубахи и обнажая бледные ключицы. На его пальцах тускло блеснули перстни. — Менди, присмотри за Слуа. А я отправляюсь в город. Мне нужно осмотреться и смыть с себя дорожную скуку.

В таверне вино лилось рекой, смывая с местных купцов остатки дневной бережливости. Баче сидел в самом дальнем, уединенном углу, скрытом густой тенью от тяжелой дубовой колонны. Он лениво покачивал в руке кубок со старым, тягучим южным вином, наблюдая сквозь ресницы за хмельным сбродом. Его парадный бархатный камзол остался в особняке — сейчас на нем была тонкая рубаха из полупрозрачного черного шелка. Ворот был небрежно расстегнут, обнажая безупречную бледную кожу шеи и четкие линии ключиц. На пальцах, державших серебряную ножку кубка, тускло поблескивали тяжелые перстни с темными камнями.

Местные женщины слетались к его столу, как ночные бабочки на костер, привлеченные его порочной, магнетической красотой и запахом баснословного богатства. Баче развлекался, пробуя этот новый город на вкус с той изощренной, хищной чувственностью, которая приходит лишь после сотен тысяч лет пресыщения.

На его коленях устроилась молодая, пышногрудая блондинка в корсаже, который едва удерживал ее округлые формы. Баче позволял ей ласкать себя, его длинные пальцы медленно и неторопливо очерчивали изгибы ее горячей спины, спускаясь к бедрам. Каждое его прикосновение было дразнящим и властным. Другая девица, с пухлыми губами и пьяным восторгом в глазах, опустилась на колени прямо у его ног, нежно целуя внутреннюю сторону его запястья и поднимаясь губами выше, к предплечью. Баче отвечал им с ленивой, обжигающей страстью, шептал на ухо короткие, дерзкие слова, от которых обе девушки судорожно вздыхали и задыхались от сладкого вожделения.

Его сексуальная фантазия была безгранична, и он искусно подчинял себе женские тела, заставляя их трепетать от малейшего движения его руки. И всё же, в глубине его зеленых глаз не было ни капли тепла. Это была всего лишь плотская игра, привычный способ заглушить вековую, удушающую скуку. Эти смертные женщины искали в его объятиях любовь или золото, не осознавая, что в моменты высшего наслаждения они просто так отдавали ему остатки своей чистой жизненной энергии, подпитывая его и без того огромную силу.

Наигравшись и полностью утолив мимолетный голод, Баче мягко, но настойчиво отстранил от себя разгоряченных девиц. Он поднялся из-за стола, небрежно бросил на залитый элем дуб пригоршню тяжелых серебряных монет и вышел прочь. За порогом таверны ночная прохлада приятно коснулась его лица. Баче легко вскочил в седло своего коня и пустил его легкой рысью по лесной тропе, решив возвращаться в особняк кружным путем сквозь чащу, чтобы окончательно проветрить мысли.

В это же самое время на другом конце леса, у самого подножия холмов, Анис бережно опустила в холщовую сумку последний пучок сушеной мяты. Из-за туч луна почти не проглядывала. В чаще стояла густая, сырая темнота, пахнувшая прелой листвой и мокрым мхом.

Анис поправила воротник простого платья, сдувая со лба прядь темных волос. Ее глаза, глубокие и почти черные в этой ночной тени, устало блестели. Весь день она провела на ногах, помогая старой травнице растирать вонючие мази для городских, а после сидела у постели бабушки. Старушка совсем сдавала. Чтобы хоть немного облегчить ее удушливый кашель, Анис пришлось зайти глубоко в лес за редкой ночной травой, которая раскрывала свои чашечки только после захода солнца.

Она знала этот лес с детства и чувствовала его кожей. Для нее он никогда не был просто поляной с деревьями. Анис ощущала, как внутри стволов тягуче движутся соки, знала, от

какого куста веет ядовитым холодом, а от какого — сухим теплом. Пространство вокруг нее словно состояло из невидимых, туго натянутых нитей, которые едва заметно вибрировали от каждого шага. Но она молчала об этом. В памяти до сих пор сидел тот жуткий день, когда из-за ее детской ярости и глупой ссоры с отчимом вокруг дома стеной встал огонь. Семья сгорела заживо. Горожане списали всё на случайную искру из очага, но Анис знала: это сделала она. И с тех пор она запечатала эту душную, пугающую силу внутри себя, боясь даже подумать о ней.

Решив сократить путь домой, Анис свернула на заброшенную тропу через дикий малинник. Колючие ветки цеплялись за подол, словно пытались удержать. Она прибавила шаг, не заметив, как из темноты за ней уже несколько минут беззвучно шли трое местных пьяных парней.

Они перерезали ей дорогу у старого поваленного ясеня. Прежде чем Анис успела вскрикнуть, грубая, грязная ладонь намертво зажала ей рот, пахнущий дешевым табаком и кислым элем. Ее рванули назад, швыряя на холодную землю. Холщовая сумка отлетела в сторону, рассыпая собранные травы.

— Смотри-ка, какая птичка бродит у болот, — хриплый, масляный голос над самым ухом заставил Анис похолодеть.

Ее придавили к прелой листве тяжелым мужским телом. Ткань платья на груди с треском лопнула под чужими пальцами, обнажая ключицы и полоску бледной кожи. Анис отчаянно забилась под ним, пытаясь ударить, укусить, вырваться, но двое других крепко перехватили ее руки, вжимая запястья в сырой мох. От страха и отвращения у нее перехватило дыхание. Чужие жесткие губы полезли к ее шее, оставляя липкий след. В голове Анис вспыхнул белый, ослепительный ужас.

Поняв, что сопротивление бесполезно, она зажмурилась и из самой глубины легких, на пределе связок, выпустила дикий, иступленный крик.

Буквально в сотне шагов от этого места, на старой лесной тропе, Баче натянул поводья своего жеребца. Он отчетливо слышал девичьи крики, доносившиеся из глубины малинника, и возню пьяных мужчин. Маг лениво ухмыльнулся, даже не повернув головы в сторону шума. Людская грязь и их животные развлечения вызывали у него лишь легкую брезгливость, но никак не жалость. Он мысленно пожелал парням хорошего вечера и уже собирался пустить коня дальше в галоп, предоставляя смертным самим разбираться со своими забавами, как вдруг воздух вокруг него натянулся, словно струна.

Вместе с последним голосом Анис наружу сорвалась та самая запертая, копившаяся годами сила.

Воздух в чаще мгновенно стал плотным, как желе. Невидимая, тяжелая волна эфира рванула во все стороны, заставив вековые дубы содрогнуться, а вороны с тяжелым карканьем взлетели с верхних веток. Лошадь под Баче испуганно всхрапнула и едва не встала на дыбы. Маг замер, его зеленые глаза опасно сузились, а на губах появилась медленная, хищная улыбка. Это был не обычный женский визг. Эфир вокруг него до сих пор мелко дрожал, словно от удара колокола. Баче сразу понял: в этих зарослях скрывается не просто деревенская девка, а редкий, драгоценный источник чистой магии.

Развернув коня, он пустил его шагом сквозь терновник, направляясь к источнику вспышки. Повелевая ветвям раздвинуться, Баче выехал на небольшую поляну.

Пьяные парни даже не успели понять, что произошло — ментальный удар Анис выключил их сознание мгновенно. Их тела обмякли и теперь неподвижно валялись на сыром мху, словно подкошенные снопы. Анис лежала среди них, судорожно хватая ртом холодный воздух. Ее всю трясло. Одежда на груди была разорвана, обнажая бледное плечо, а дикие от страха темные глаза уставились на появившегося из тумана всадника.

Баче смотрел на нее сверху вниз, лениво перебирая поводья, и в его душе росло сытое торжество хищника. Он нашел то, зачем приехал в Финдис. Перед ним лежал идеальный ключ к запечатанному Хранилищу. Его следующая жертва.

Глава 2

Баче не торопился слезать с коня. Он сидел в седле, слегка наклонившись вперед, и с ленивым любопытством разглядывал раскинувшуюся перед ним картину. Крупный темный жеребец под ним шумно выдохнул, переступив мощными копытами по влажному мху, прямо возле головы одного из обмякших парней.

— Надо признать, укладывать мужчин в постель у тебя получается куда быстрее, чем у городских куртизанок, — бархатный голос мага нарушил мертвую тишину леса, сорвавшись с порочных губ вместе с легкой, колкой усмешкой.

Анис вздрогнула от этого звука, словно от удара бича. Она судорожно прижала к груди остатки разорванного ворота платья, пытаясь скрыться за тяжелыми прядями своих темных волос. Ее всю крупно трясло. Кожа была ледяной, а пальцы, испачканные в прелой листве, никак не могли унять дрожь. Ее темные глаза, расширенные от пережитого ужаса, метались от неподвижных тел к высокому, холеному всаднику в дорогом бархатном камзоле. В голове набатом стучала одна пугающая мысль: она их убила. Собственной силой, которую поклялась никогда не выпускать наружу.

Заметив, как сильно бьет девичье тело озноб и как панически блестят ее глаза, Баче слегка натянул поводья. Глумливый тон мгновенно исчез, сменившись ровным, успокаивающим спокойствием хищника, который не хочет раньше времени спугнуть добычу.

— Дыши глубже, — негромко произнес он, плавно соскальзывая с седла на землю. Его дорогие кожаные сапоги ступали по грязи совершенно беззвучно. — Эти трое живы. Твой... крик просто выключил их сознание, не более. Обычный обморок. Они придут в себя через час и, уверяю тебя, не вспомнят ни одной секунды из этой ночи. Завтра они будут уверены, что просто перебрали эля в таверне и уснули под деревом.

Маг подошел ближе. На его ладони, скрытой в тени, на мгновение промелькнул едва заметный фиолетовый отблеск, когда он запечатал чары забытья на лбах лежащих парней. Но Анис этого не видела. Она всё еще тяжело, рвано дышала, пытаясь совладать с подступающей тошнотой.

Баче остановился в двух шагах от нее, одним плавным движением снял со своих широких плеч тяжелый, подбитый шелком дорожный плащ и протянул ей. От ткани веело сухим теплом и дорогим, горьковатым ароматом заморских масел.

— Накинь, — приказал он, и в его голосе снова промелькнула привычная, высокомерная нотка знатного графа. — В лесу сыро, а твоя... скромность сейчас слишком сильно пострадала от этих неотесанных свиней. Поднимайся, я подвезу тебя до города. Считаю, что сегодня твой счастливый день.

Анис посмотрела на тяжелое сукно плаща, затем перевела взгляд выше, наткнувшись на его магнетические зеленые глаза. Смертный страх внутри нее медленно, но верно уступал место упрямой, врожденной гордости. Этот пафосный господин смотрел на нее так, словно сделал величайшее одолжение, просто соизволив заговорить. Ее разорванное платье и грязь на лице не давали ему права вести себя как хозяин ее жизни.

Она рванула плащ из его руки с такой силой, что шелк тихо зашелестел. Накинув его на дрожащие плечи и наглухо запахнувшись, Анис поднялась на ноги. Колени до сих пор подкашивались, но она заставила себя выпрямить спину и вздернуть подбородок, глядя на Баче снизу вверх.

— Мой счастливый день наступил бы, если бы я вообще не сворачивала на эту чертову тропу, — ее голос сначала сорвался на хрип, но она тут же вернула ему дерзкую, иронич-

ную твердость. — И я не помню, чтобы просила благородного графа о помощи. Вы всегда так долго выбираете место для прогулок, или просто ждали за кустами, пока эти олухи закончат возиться?

Баче на мгновение замер от такой неприкрытой дерзости. За долгие века смертные женщины перед ним либо трепетали от благоговения, либо томно вздыхали, пытаясь привлечь его внимание. Эта же девчонка, стоя в грязи в разорванном платье и укутавшись в его собственный плащ, умудрялась смотреть на него свысока и колоть словами. В глубине его темной души шевельнулось опасное, охотничье любопытство.

— Острый язычок, — протянул маг, зловеще и мягко ухмыляясь. — Будь я обычным господином, я бы оставил тебя здесь наедине с твоей гордостью и этими тремя спящими красавцами. Но я сегодня на редкость великодушен. Идем.

Он подошел к крупному темному жеребцу и перехватил поводья. Анис, несмотря на весь свой внутренний протест, послушно побрела следом — ноги всё еще плохо держали ее после ментального удара. Когда она приблизилась к коню, Баче обернулся и без предупреждения обхватил ее руками за талию, чтобы помочь подняться в седло.

Его ладони, скрытые тонкими шелковыми манжетами, оказались неожиданно горячими, почти обжигающими сквозь ткань. Анис судорожно выдохнула, когда он легко, словно она ничего не весила, приподнял ее над землей. На мгновение ее лицо оказалось совсем близко к его лицу. Она почувствовала терпкий, волнующий аромат дорогого табака и каких-то горьких лесных масел, исходящий от его кожи. В этот короткий миг между ними словно протянулась невидимая, едва ощутимая искра — их личные частоты эфира соприкоснулись, заставив сердца обоих сделать лишний, неровный удар. Анис поспешно отвела взгляд, а Баче на секунду нахмурился, словно почувствовал легкий укол под кожей.

В следующее мгновение она уже сидела в седле, а маг уверенно устроился позади нее, перехватив поводья. Его широкая грудь почти касалась ее спины, и Анис кожей ощущала исходящее от него плотное мужское тепло.

Жеребец тронулся с места, мерно ступая по темной лесной тропе в сторону городских окраин. Нависла тягучая, напряженная тишина, нарушаемая лишь хрустом веток под копытами.

— Итак, — нарушил молчание Баче, наклонившись чуть ближе к ее уху, отчего его дыхание опалило шею Анис, заставив ее мелко вздрогнуть. — Ты так и не представилась, моя воинственная спасительница. И ты до сих пор не объяснила, как обычная деревенская девушка умудрилась уложить троих взрослых мужчин одним лишь криком. В наших краях за подобные... таланты женщин обычно отправляют на костер, объявив ведьмами. Ты ведь понимаешь, что теперь ты в некотором роде моя должница? Если я расскажу городскому судье о том, что видел на поляне, твоя жизнь станет очень короткой.

Анис крепче сжала пальцами края его тяжелого плаща. Страх перед разоблачением уколол под сердцем, но сдаваться без боя она не собиралась. Она слегка повернула голову, так что он мог видеть профиль ее лица и упрямый изгиб темных бровей.

— Меня зовут Анис, — сухо бросила она, стараясь, чтобы ее голос не дрожал от опасной близости его тела. — И я не ведьма. У меня просто... громкий голос, когда меня пытаются обидеть. А что касается вашего молчания, господин граф... Разве благородные дворяне берут плату за спасение девушек? Мне казалось, вы делаете это ради развлечения и чистой совести. Или ваши карманы опустели, раз вы решили шантажировать простую помощницу травницы?

Баче тихо хмыкнул, оценив ее выпад. Девчонка защищалась яростно, выставляя колючки вместо того, чтобы умолять о пощаде.

Это забавляло его всё больше. Он прищипорил жеребца, и вскоре лесная чаща расступилась, являя окраину Финдиса.

Они остановились у небольшого ветхого домика с покосившейся соломенной крышей, сиротливо прижавшегося к кромке леса. В окнах было темно: старая бабушка Анис, измученная болезнью, уже давно крепко спала.

Маг соскользнул на землю и протянул Анис руку. На этот раз она не стала упрямиться, позволив ему помочь сойти с коня. Едва ее ноги коснулись травы, она поспешно отступила на шаг назад, словно пытаясь разорвать то странное, душное притяжение, которое возникло между ними в седле. Она аккуратно сняла с плеч его тяжелый бархатный плащ и протянула обратно.

— Спасибо за спасение, граф, — тихо произнесла Анис, возвращая ему вещь. В ее темных глазах больше не было прежней дерзости, только глубокая, затаенная усталость. — Можете не беспокоиться, у помощницы травницы нет золота, чтобы оплатить вашу услугу. Наш разговор останется между нами.

Баче перекинул плащ через руку, но уходить не торопился. Он сделал шаг вперед, заставив ее отступить к самому крыльцу, и заглянул в ее лицо. Его магнетические зеленые глаза в предрассветных сумерках казались светящимися.

— Золото меня не интересует, Анис, — его голос стал непривычно серьезным, вибрирующим. — Твой крик на поляне... Это была не случайность. В тебе живет сила, которую ты панически боишься и не умеешь контролировать. Сегодня тебе повезло. Но что будет в следующий раз, когда ты разозлишься или испугаешься? Ты сожжешь этот дом? Убьешь тех, кто тебе дорог? Если люди узнают, кто ты, тебя ждет костер.

Анис замерла, и ее сердце испуганно пропустило удар. Слова чужака попали в самую болезненную, кровоточащую рану. Перед ее мысленным взором калейдоскопом прокрутился тот кошмарный день из детства: яростный треск пламени, удушливый черный дым, крики отчима и сестры, доносящиеся из заблокированной огнем комнаты. Она ведь тогда просто разозлилась. Просто не смогла укротить то, что клокотало в ее груди. Вина за их смерть тяжелым камнем давила на нее каждый день. Маг был прав: если она не научится справляться с этим чудовищем внутри себя, трагедия повторится.

Она сглотнула подступивший к горлу ком и упрямо посмотрела на Баче.

— Откуда вам знать об этом? — прошептала она. — И что вы предлагаете?

— Я могу научить тебя, — Баче сделал паузу, позволяя своим словам глубже проникнуть в ее сознание. На его губах снова появилась привычная, едва заметная ухмылка графа-искусителя. — Я умею управляться с... громкими голосами. Приходи завтра на закате к старому каменному мосту на краю леса. Мы начнем уроки. И это будет нашей маленькой тайной.

Анис долго всматривалась в его красивое, порочное лицо, пытаясь разгадать его мотивы. Ей было страшно доверять этому высокомерному дворянину, но страх перед собственной неуправляемой силой оказался сильнее.

— Хорошо, — Анис вздернула подбородок, возвращая себе привычную гордость. — Я приду. Но если вы попытаетесь использовать это против меня, граф, уверяю: мой голос вам очень не понравится.

Она развернулась и быстро скрылась за дверью своего дома. Баче остался стоять у крыльца, слушая, как щелкает задвижка. Хищная, сытая улыбка расплылась на его лице. Игра началась, и глупая смертная птичка сама сделала шаг в его ловушку. Он легко вскочил на жеребца и растворился в тумане.

Часть II. Искусство тишины

Глава 3

Жеребец влетел во двор каменного особняка, когда над лесом раскинулась тонкая, бледно-розовая полоса зари. Баче легко соскочил с седла, бросив поводья подбежавшему

Менди. На губах мага до сих пор блуждала та самая сытая, хищная улыбка, с которой он остав-
лял крыльцо дома Анис.

— Хозяин! Ну наконец-то! — Менди едва поспевал за его широкими шагами, семена по
каменным плитам холла. Слуга мгновенно учуял изменения в воздухе и теперь его маленькие
злые глазки горели лихорадочным восторгом. — Вы пахнете... силой! Чистой, необуздан-
ной, дикой силой! Неужели вы нашли её в этих вонючих тавернах?

— В тавернах обитает лишь скука, Менди, — Баче небрежно сбросил дорожный плащ
на руки подлетевших Слуа. Серые фейри, едва коснувшись ткани, уловили остаточные вибра-
ции ночного крика Анис и тихо, завистливо запищали, расправляя свои блеклые мотыльковые
крылья. Они буквально затрепетали, жадно впитывая крупницы чужой магии, оставшиеся на
одежде хозяина. — Птичка сама прилетела ко мне в руки. Прямо в глухой чаще.

Маг прошел в каминный зал и опустился в глубокое кресло, вытянув длинные ноги. В
его ладони послушно вспыхнул и погас фиолетовый огонек.

— О, они радуются, радуются! — Менди потер пухлые ладони, его лицо расплылось в
злой, предвкушающей гримасе. — Значит, ритуал близок? Мы снова будем пить эту веко-
вую силу? Мои крылья уже чешутся! Расскажите, кто она? Дочь купца? Или глупая дочка
местного старосты?

— Ее зовут Анис. И она сильнее, чем все они вместе взятые, — Баче прикрыл глаза,
позволяя воспоминаниям унести его на сотню лет назад.

В его памяти внезапно всплыло лицо другой девушки — Бранвен. Дикая, рыжеволосая
ведьма из северных предгорий, которую он заманил в свои сети на исходе прошлого века. У нее
была ослепительно белая кожа, усыпанная веснушками, и огненные волосы, которые казались
живым пламенем в полумраке спальни. Бранвен знала, кто он такой, и отчаянно боролась за
свою жизнь. В ту роковую ночь ее магия искрила прямо на кончиках пальцев, она пыталась
сжечь его замок, бросая в него молнии чистого эфира. Но Баче был искуснее. Он подавил ее
волю, довел до высшего пика страсти, а на рассвете вонзил клинок в ее сердце, забрав поло-
вину ее дикой, первозданной силы. Тот прилив магии сделал его практически всемогущим на
целое столетие. Но сейчас, вспоминая ночной крик Анис, Баче понимал: потенциал этой тем-
новолосой девчонки был куда глубже и чище. Она была способна на большее.

— Слуа, приготовьте всё необходимое, — Баче открыл глаза, и его зеленый взгляд заста-
вил духов замереть на месте. — Нам потребуется время. Эта девчонка горда и дика, ее нельзя
просто запереть в подвале. Я должен втереться к ней в доверие, стать ее наставником и един-
ственной опорой. Она сама должна захотеть отдать мне свою душу в брачную ночь. Менди,
сходи за городом. А я иду спать. На закате у меня первый урок.

Перед самым уходом мага Менди крутился возле зеркала в прихожей, пытаясь застегнуть
тугую пуговицу на жилете. Из его рукава выскользнуло серое перо, мгновенно истлевшее на
лету. Слуга угрюмо вздохнул.

— Время жрет нас, хозяин, — тихо проворчал он, потеряв на миг свою привычную злоб-
ную веселость. — С каждым годом морок дается Слуа всё тяжелее. Помните, какими они были,
когда ваш отец только привел их в родовое гнездо? Гордые лесные нимфы, чистые духи дере-
вьев... Люди вырубили их священные рощи, сожгли их дома, объявив нечистой. Если бы ваш
отец не запечатал их угасающие сути в эти серые, мотыльковые тела, связав их жизнь со своей
кровью, они бы исчезли еще три века назад.

— Я помню, Менди, — Баче поправил манжеты рубахи. — Я помню и то, как ты сам умо-
лял моего отца спасти тебя, когда инквизиторы перебили твоих собратьев в южных пещерах.

— Да уж, — Менди криво усмехнулся, почесав пухлый бок. — Лучше быть ворчливым
пузатым мужиком с перепончатыми крыльями на службе у Энтуи, чем пеплом под костром
праведников. Так что держите эту Анис крепче, хозяин. Сделайте так, чтобы она растаяла от
ваших речей. На кону стоят наши шкуры.

Баче ничего не ответил. Накинув простой дорожный плащ, он вышел из особняка и направился к окраине леса, где у старого, поросшего мхом каменного моста его уже ждала Анис.

Солнце лениво цеплялось за верхушки сосен, окрашивая речную воду в цвет темной меди. Анис сидела на парапете моста, поджав под себя ноги. На ней было чистое, хотя и поношенное платье из грубого льна, а длинные темные волосы были убраны в косу. Заметив приближающегося мага, она не сдвинулась с места, лишь упрямо вздернула подбородок.

— Я уж думала, вы испугались моего громкого голоса, граф, — ровным, дерзким тоном произнесла она, хотя ее пальцы крепко вцепились в шероховатый камень парапета.

— Менять свои планы — удел смертных, — Баче остановился напротив нее, скрестив руки на груди. Его зеленые глаза в лучах заката казались обманчиво мягкими. — С чего, потвоему, начинается магия, Анис?

— С заговоров? С волшебных палочек? С варки сушеных лягушек в котле травницы? — Анис иронично приподняла бровь, пытаясь скрыть за шутками внутреннее волнение.

— Магия начинается с тишины, — маг резко шагнул вперед, сокращая расстояние между ними, отчего Анис инстинктивно вжалась в камень спиной. — Твой крик в лесу — это слепой выплеск. Твой разум похож на растревоженный улей, где мысли постоянно жужжат, спорят, боятся и вспоминают прошлое. Чтобы управлять эфиром, ты должна заставить этот улей замолчать. Полностью.

Он протянул руку и мягко, но уверенно коснулся пальцами ее виска. Кожа мага была неприлично горячей. Анис судорожно вдохнула, собираясь высказать ему очередную колкость, но в ту же секунду ее слова застряли в горле. Через его прикосновение по ее телу разлилась странная, тягучая прохлада. Жужжание мыслей в голове, страх за больную бабушку, вина за детскую трагедию — всё это вдруг начало стремительно блекнуть, уступая место звенящей, кристальной пустоте.

— Закрой глаза, — тихо, почти гипнотически скомандовал Баче у самого ее уха. — Не думай о том, что будет завтра. Не цепляйся за то, что случилось вчера. Слушай только шум воды под мостом и лови паузы между своими вдохами. Растворись в этой точке.

Анис послушно закрыла глаза, погружаясь в состояние, которого никогда не испытывала раньше. Ее эго, ее привычное «я» словно растаяло. Пространство вокруг нее раздвинулось, став многомерным. Окружающий мир больше не был набором твердых предметов — она осязаемо почувствовала, что воздух состоит из миллиардов невидимых, живых струн, которые чутко отзывались на ее расслабленное дыхание. Это была первая, чистая и настоящая практика остановки внутреннего монолога — ключ к скрытым частотам эфира, который понимающие люди сразу считают между строк.

Анис находилась внутри этой звенящей пустоты, казалось, целую вечность, хотя на самом деле прошло всего несколько минут. Мир вокруг нее сделался мягким, податливым, лишенным привычной тяжести. Но как только прохлада от пальцев Баче на ее виске начала сменяться покалывающим, обжигающим жаром его кожи, ее сознание резко дернулось назад. Испугавшись той пугающей, абсолютной незащитности, в которую она только что погрузилась перед едва знакомым мужчиной, Анис распахнула глаза и резко отпрянула, едва не потеряв равновесие на каменном парапете.

Баче вовремя перехватил ее за локоть, удерживая на месте. Его ладонь снова показалась ей слишком горячей, почти лихорадочной.

— Ну вот, — Анис поспешно высвободила руку, нервно поправляя растрепавшуюся у виска темную прядь. Ее щеки горели румянцем, а дыхание оставалось рваным, хотя мысли в голове больше не жужжали прежним тревожным роем. Она судорожно вздернула подбородок,

возвращая на лицо привычную маску колючей гордости. — На мгновение мне показалось, что вы решили меня просто усыпить, граф, чтобы избавить Финдис от моего «громкого голоса». Это и есть ваша великая магия? Заставить человека забыть собственное имя и глазеть на воду?

— Это база, Анис, — маг спокойно отступил на шаг, пряча руки в карманы плаща. Его зеленые глаза сузились, изучая ее порозовевшее лицо с легким, почти незаметным одобрением. — Без тишины внутри ты не сможешь направить силу даже на то, чтобы зажечь свечу. Ты просто сгоришь от собственного хаоса, как это уже... едва не случилось однажды.

Анис прикусила губу, уколота его намеком, но промолчала. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, оставляя на небе лишь густые, багрово-серые сумерки. Воздух над рекой становился по-осеннему прохладным.

— На сегодня достаточно, — произнес Баче, разворачиваясь к лесной тропе. — Завтра на этом же месте. И постарайся не забивать свою голову деревенскими сплетнями до заката.

— Подождите, — Анис спрыгнула с парапета, сделав шаг ему навстречу. Ее движения всё еще оставались немного порывистыми. Из-за резкого спуска ее коса качнулась, и край полотняного рукава зацепился за острую пряжку на его плаще. — Да стойте же вы, я запуталась!

Баче раздраженно вздохнул и обернулся, протягивая руку, чтобы помочь ей освободить застрявшую ткань. В этот момент Анис, пытаясь перехватить его пальцы и выпутать рукав самостоятельно, случайно поймала его левую ладонь и перевернула ее тыльной стороной вниз.

В наступивших сумерках прямо посреди его ладони, пересекая линию жизни, четко проступил тонкий, идеально ровный белый шрам. Он выглядел старым, но глубоким, словно плоть когда-то намеренно разрезали острым как бритва клинком.

Анис замерла. Ее пальцы интуитивно очертили эту бледную отметину на его горячей коже. Внутри нее, в тех самых невидимых струнах пространства, которые она только что училась чувствовать, отозвался странный, зловещий отголосок. От этого шрама веяло застарелым запахом железа, страха и... чужой оборванной жизни.

— Что это? — тихо спросила она, поднимая на него свои глубокие, потемневшие от подозрения глаза. — Откуда у знатного графа такой странный след на руке? Выглядит так, словно вы с кем-то скрепляли клятву на крови. Или... приносили жертву.

Баче внутренне напрягся. Его пальцы едва заметно дрогнули под ее прикосновением. Он не ожидал, что эта девчонка окажется настолько чувствительной к остаточным вибрациям его ритуалов. Ее врожденный дар, даже будучи запертым, безошибочно считал след смерти на его теле.

Но маг не позволил страху отразиться на своем лице. Он плавно, почти ласково перехватил ее тонкие пальцы своей раненой рукой, слегка сжав их. Его зеленый взгляд стал глубоким, магнетическим, привязывая ее внимание к себе и не позволяя отвести глаза в сторону. Воздух между ними снова едва заметно загустел, окутывая разум Анис мягким, усыпляющим туманом.

— Обычная глупость прошлых лет, Анис, — его голос зазвучал невероятно мягко, вкрадчиво, проникая под самую кожу и заставляя ее подозрения стремительно таять, словно воск у огня. — В юности я был слишком неосторожен на охоте в диких лесах. Старый капкан, ничего более. Не стоит искать скрытые смыслы там, где есть лишь неловкость молодого дворянина. Забудь об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.